

Социальное самочувствие

Социальное самочувствие людей старшего возраста в Республике Бурятия: региональный аспект

Бутуева Зинаида Арсентьевна –
кандидат философских наук, доцент,
Бурятский государственный университет, Улан-Удэ

E-mail: butueva_z@mail.ru

Социальное самочувствие людей старшего возраста в Республике Бурятия: региональный аспект

DOI: 10.19181/vis.2016.19.4.435

Аннотация. В статье рассматриваются основные подходы и факторы социального самочувствия людей старшего возраста в региональном аспекте. Делается вывод, что социальное самочувствие как эмоционально-ценностная форма сознания проявляется в результате субъективного переживания людьми своего конкретного состояния и изменяется под воздействием внутренней структуры личности и окружающей социальной среды. Анализируется структура воздействующих на социальное самочувствие факторов, которая включает субъективные и объективные компоненты. Субъективные характеристики социального самочувствия людей старшего возраста включают личностные особенности, ценностные установки, общее эмоциональное состояние, уверенность относительно своего будущего. Объективные характеристики сосредоточены на таких компонентах, как возраст, уровень образования, здоровье, материальное и семейное положение. На изменение социального самочувствия оказывает влияние сложившаяся социально-экономическая и этнополитическая ситуация в стране и на её окраинах. Поэтому актуальным является изучение социального самочувствия людей старшего возраста в региональном аспекте. Республика Бурятия как полиэтничный регион отличается поликонфессиональностью, неоднородностью социально-экономического пространства, приграничным положением, особенностью культурных традиций. Суровые климатические условия, малая плотность населения и удалённость от политических и культурных центров России характеризует республику как регион, изолированный от основных потоков социокультурного пространства. Эти особенности создают специфическую среду, влияющую на социальное самочувствие населения. По результатам проведённого исследования сделан вывод, что возрастные группы людей старшего возраста неоднородны и это наблюдается в их оценках удовлетворённости жизнью, материальным положением, ценностными установками, уверенности в будущем. Важными факторами, влияющими на социальное самочувствие, являются возраст, уровень образования, семейное положение. Значимыми ценностями в пожилом возрасте выступают (по мере убывания): дом, семья, здоровье, материальная обеспеченность, уверенность в будущем и чувство безопасности. Эти составляющие влияют на уровень и степень включённости представителей старшего поколения в институциональные отношения и напрямую связаны с социальным самочувствием.

Ключевые слова: старение населения, люди старшего возраста, социальное самочувствие, факторы, методы измерения, субъективная удовлетворённость жизнью, регион, Республика Бурятия

Исследование социального самочувствия представителей различных социально-демографических групп является одним из важнейших аспектов социологического анализа тенденций развития общества, поскольку позволяет оценить трансформационные изменения общественного сознания, которые проходят постепенно и неравномерно в огромной России, особенно на её окраинах. Новые сочетания глобального, национального и регионального, общественно-группового и личностного оказывают противоречивое влияние на социальное самочувствие старшего поколения.

В обыденном сознании укрепилось мнение, что в старшем возрасте уменьшается важность многих факторов жизнедеятельности, поэтому представители этой возрастной группы населения оценивают социальное самочувствие гораздо хуже, чем другие. Это объясняется причинами как объективного, так и субъективного характера. Во-первых, в общественном сознании укоренился стереотип восприятия, который в основном несёт геронтофобные установки по отношению к периоду старости. Он проецируется не только обществом, но и людьми старшего возраста в отношении своего старения. Для большинства населения старость ассоциируется с негативными тенденциями и выражается в таких характеристиках, как беспомощность, одиночество, череда болезней, малообеспеченность. Во-вторых, уровень включённости старшего поколения в современные трансформационные процессы и степень их практического освоения являются проблематичными. По мере старения часть людей старшего возраста оказываются в трудной жизненной ситуации и подвергаются риску постепенного исключения из общества.

Современные исследования отечественных учёных [Григорьева 2006; Козлова 2007; Елютина 1999; Краснова 2007; Левинсон 2011; Максимова 2006; Рогозин 2013; Смолькин 2008; Чеканова 2004] позволили взглянуть на изучение старшего поколения более объёмно и глубоко. Учёные отмечают, что в этой возрастной группе преобладают процессы дифференциации, причём дифференцирующие факторы проявляются более зримо, чем интегрирующие, что обусловлено усложнением социальной структуры современного российского общества. В связи с этим актуализируются исследования социальных проблем людей старшего возраста, дискурс роли и места старшего поколения в обществе, их потребностей, интересов, ценностных ориентаций и социального самочувствия в целом.

Отражая разные стороны жизни социума, понятие «социальное самочувствие» так или иначе порождает различия в его трактовке, умножая количество и качество его характеристик. Социальное самочувствие как эмоционально-ценностная форма сознания проявляется в результате субъек-

тивного переживания людьми своего состояния и изменяется под воздействием внутренней структуры личности, а также окружающей социальной среды [Осинский, Бутуева 2015: 38].

Особенности социального самочувствия различных социальных и возрастных групп рассматриваются в рамках исследования социального неравенства, стратификации в постсоветском пространстве, концепции образа жизни в условиях трансформации российского общества [Возьмитель 2012; Голенкова 2008; Горшков 2011; Козырева 2011; Тихонова 2014; Тощенко, Харченко 1996].

Следует признать, что на социальное самочувствие воздействует широкий спектр факторов, усложняя его изучение и анализ. В последнее время предпринимаются попытки измерения социального самочувствия [Беляева 2009; Головаха, Горбачик, Панина 1998; Ковалёва 2001; Крупец 2003; Михайлова 2010; Петрова 2000; Рогозин 2007]. Д. М. Рогозин выявляет восемь компонентов социального самочувствия. К ним относятся: работа, материальное положение, возраст, семья, личные желания, социальный статус, государство, образование [Рогозин 2007: 99].

В настоящее время российские исследовательские компании регулярно проводят мониторинговые исследования социального самочувствия населения. В качестве измерительного инструментария, как правило, используют классификацию по трём направлениям: оценка материального положения семьи на момент исследования; оценка уровня жизни семьи через один-два года; уровень адаптированности к происходящим в стране переменам [Рогозин 2007: 107]. Всероссийский центр изучения общественного мнения (ВЦИОМ) проводит ежемесячные построения индексов социального самочувствия, используя в качестве измерительного инструментария классификацию по индексам: удовлетворённости жизнью, социального оптимизма, самооценок материального положения [Индексы социального... 2015]. Межстрановые исследования динамики социального самочувствия населения на постсоветском пространстве проводятся в рамках проекта «Евразийский монитор». Социальное самочувствие изучается по следующим показателям: оценка экономического положения страны, материальное положение семьи, социальная адаптация, социальный оптимизм [Евразийский монитор... 2015].

В западной социологии термин «социальное самочувствие» используется как синоним понятия «субъективное благополучие». В структуре субъективного благополучия (SWB) выделяются следующие компоненты: глобальная оценка удовлетворённости жизнью, позитивные и негативные, аффективные реакции на жизнь. Э. Кэмпбелл, изучая представления американцев о хорошей жизни, получил следующий набор сфер, ранжированных в порядке убывания: экономическая ста-

бильность, хорошие отношения в семье, сильный и жизнестойкий характер, верные друзья, внешне привлекательная окружающая среда. Другие исследователи, например, Ф. Андрус и С. Вити, проводя операционализацию субъективного благополучия, рассматривали пять компонентов: дом, работа, семья, свободное время и государство [Рогозин 2007: 109]. Анализ теоретических и методологических подходов отечественных и зарубежных учёных показал, что социальное самочувствие как многомерная характеристика социально-психологического состояния до настоящего времени не имеет конкретного содержания в практике социологических исследований.

Немаловажное влияние на изменение социального самочувствия оказывает социально-экономическая и этнополитическая ситуация в стране и регионах. Поэтому изучение социального самочувствия людей старшего возраста в региональном аспекте представляется актуальной задачей. Республика Бурятия как полиэтнический регион отличается поликонфессиональностью, неоднородностью социально-экономического пространства, приграничным положением, особенностью культурных традиций. Суровые климатические условия, малая плотность населения и удалённость от политических и культурных центров России характеризуют республику как регион, изолированный от основных потоков социокультурного пространства.

Отличительные особенности развития региона уходят корнями в историю заселения и начало формирования поселенческой структуры. Региональная общность населения республики, являясь территориально обособленной частью населения страны, имеет сложную структуру и обладает отчётливо выделяющимися частями в виде местных сообществ отдельных поселений и локальных систем расселения. Эти особенности создают специфическую среду, влияющую на социальное самочувствие населения.

Демографические процессы в республике наряду с общероссийскими тенденциями, такими как повышенная смертность, в особенности трудоспособной части населения, быстрый рост городов и городского населения, гендерная диспропорция в старших возрастах, имеют свои особенности. Во-первых, к ним относится естественный прирост населения республики, особенно в последние годы. Бурятия по суммарному коэффициенту рождаемости занимает шестое место в стране. Этот прирост обеспечен, как и в большинстве национальных регионов, за счёт титульного населения республики. В бурятских семьях до сих пор сохранился культ большой традиционной семьи. Во-вторых, по сравнению с Российской Федерацией, где первые признаки старения населения были зафиксированы в 1970-е гг., в Бурятии они зарегистрированы гораздо позднее, только в 1990-е гг. В настоящее время население республики

Суровые климатические условия, малая плотность населения и удалённость от политических и культурных центров России характеризуют Бурятию как регион, изолированный от основных потоков социокультурного пространства

По сравнению с Российской Федерацией, где первые признаки старения населения были зафиксированы в 1970-е гг., в Бурятии они зарегистрированы только в 1990-е гг. В настоящее время население республики находится на «среднем уровне демографической старости».

находится на «среднем уровне демографической старости». Доля людей старше 60 лет составляет 14%, но в дальнейшем процесс демографического старения будет нарастать. В 2002 г. в республике проживало 987,3 тыс. человек, а доля пожилых людей составляла 14,9% населения, но уже к 2015 г. население республики сократилось до 978,4 тыс. человек, а доля людей старше трудоспособного возраста увеличилась до 18,6%. Для сравнения, в Российской Федерации в целом доля людей старше трудоспособного возраста составляет 24% [Население... 2015].

При сложившейся демографической ситуации в республике отмечается низкий жизненный уровень населения. По данным рейтингового агентства «РИА Рейтинг», по качеству жизни Республика Бурятия заняла 75 место из 83-х регионов России. Такое место занимают регионы-аутсайдеры. Из 61 показателя, характеризующего основные аспекты качества жизни, благоприятная ситуация в Республике Бурятия сложилась по следующим направлениям: «Демографическая ситуация» (24 место), «Здоровье и образование населения» (32 место), «Безопасность проживания» (36 место). Негативные позиции наблюдаются по показателям: «Экологические и климатические условия» (81 место), «Жилищные условия населения» (78 место), «Освоенность территории и развитие транспортной инфраструктуры» (76 место) [Рейтинг регионов... 2014]. Социально-экономические проблемы, с которыми столкнулась республика, напрямую влияют на социальное самочувствие населения Бурятии, особенно самых уязвимых слоёв населения, к которым относятся люди старшего возраста.

Исследование социального самочувствия людей старшего возраста проводилось в 2014–2015 гг. в Республике Бурятия по региональной выборке. В качестве методов использовались анкетирование (N=464) и стандартизированное фокусированное интервью (N=75). Основным исследовательским фокусом вопросов были важные аспекты жизни респондентов: оценка удовлетворённостью жизнью на пенсии, материальное положение, идентификация личности в социальном пространстве, ценностные установки и отношение респондента к своему будущему.

Результаты исследования показали, что структура воздействующих на социальное самочувствие факторов многообразна и включает субъективные и объективные компоненты. Субъективные характеристики социального самочувствия сосредоточены на рассмотрении личностных особенностей, ценностных установок, на оценке своего сегодняшнего положения в новых условиях, общем эмоциональном состоянии, уверенности относительно своего будущего, т. е. степени удовлетворённости своей жизнью в целом, в то время как объективные характеристики основаны на таких компонентах, как возраст,

уровень образования, здоровье, материальное и семейное положение. При этом субъективные и объективные показатели социального самочувствия взаимодополняют друг друга.

Для измерения удовлетворённости жизнью применялся тест «Индекс жизненной удовлетворённости» (А. О. Neugarten)¹. Он представляет интегративный показатель, который измеряет наиболее общее психологическое состояние человека, определяемое его личностными особенностями, системой отношений к различным областям своей жизни [Панина 1993: 107].

Среди людей старшего возраста высокий и средний индексы жизненной удовлетворённости характерны для 47,3%. Почти половина респондентов находят новые жизненные стимулы, которые придают им смысл жизни. Низкие значения индекса жизненной удовлетворённости характерны для 45,6% пожилых людей, что свидетельствует о высоком уровне тревожности, психологическом дискомфорте и невысоком уровне удовлетворённости ситуацией и своей ролью в ней.

На удовлетворённость жизнью влияют такие показатели, как возраст, образование и семейное положение. Людей в возрасте 55–59 лет, имеющих высокий и средний показатель удовлетворённости своей жизнью, гораздо больше (58,5%). После достижения 60 лет этот показатель несколько уменьшается и составляет 47,1%, а в возрастной группе 70–74 года он уменьшается до 26,9%. В возрастной группе 75–79 лет доля удовлетворённых жизнью растёт и достигает 50%. Возрастная группа 80–89 лет испытывает самые большие затруднения, из них 81,8% имеют низкий индекс жизненной удовлетворённости. Анализ данных показывает, что возраст выхода на пенсию является тем рубежом, который негативно отражается на социальном самочувствии людей старшего возраста. Поэтому необходимо особое внимание обращать на возрастную группу 60–74 года, которая труднее адаптируется к пенсионному образу жизни, и возрастную группу 80–89 лет, социальное самочувствие представителей которой обусловлено плохим здоровьем и, как следствие, инвалидностью и сужением контактов.

Рассмотрим, как влияют образование и семейное положение на удовлетворённость жизнью. Больше удовлетворены своей жизнью люди старшего возраста, имеющие высшее образование (56,7%); низкий индекс жизненной удовлетворённости характерен для пожилых людей, имеющих более низкое образование. Высокий и средний индексы жизненной

¹ Данная методика разработана группой американских учёных, занимавшихся социально-психологическими проблемами геронтопсихологии. Впервые тест был опубликован в 1961 г. и вскоре получил широкое распространение. В России в 1993 г. данная методика была переведена и адаптирована Н. В. Паниной.

удовлетворённости имеют люди старшего возраста, проживающие с супругами и с детьми (59%), низкий индекс жизненной удовлетворённости демонстрируют одинокие пожилые люди (53,3%). На вопрос интервью «Что Вас больше всего огорчает и что Вам приносит наибольшее удовлетворение?» мы получили следующие ответы: «Никаких огорчений нет. Радует дружная семья. Дети, внуки живут в достатке, а это главное» (женщина, 74 года, среднее профессиональное образование, проживает с супругом); «Радует состояние здоровья, с самочувствием всё хорошо, веду активный образ жизни» (женщина, 68 лет, высшее образование, проживает с супругом и детьми); «Если у моих близких всё хорошо, то я спокойна» (женщина, 78 лет, высшее образование, проживает с супругом); «Всё нравится, но бывает, что когда грустно очень на душе, семья – одна моя радость» (женщина, 65 лет, высшее образование, проживает с детьми); «Больше всего, как и всех в нашей стране, огорчает политика государства, до чего мы докатились, страшно на улицу выйти. Сталина на них нет, он бы научил всех жить, как надо. Радость у меня, что дожил я до старости, и все у меня хорошо» (мужчина, 78 лет, среднее профессиональное образование, проживает один); «Я в таком возрасте, когда уже всё воспринимаю спокойно, не то что в молодости. Огорчает, что мало пенсии, не заработал» (мужчина, 66 лет, среднее профессиональное образование, проживает один). Из ответов информантов можно сделать вывод, что наибольшее удовлетворение приносит семейное окружение, забота о близких, их успехи и материальное положение.

Материальное положение является важным компонентом социального самочувствия. Половина пожилых людей относят себя к среднеобеспеченным слоям населения (49,5%), им денег хватает на питание, жильё, одежду, образование, поддержание здоровья, отдых и товары длительного пользования. К низкообеспеченным отнесли себя 42% пожилых людей, им денег хватает на питание, жильё и товары первой необходимости. 4,9% респондентов относят себя к высокообеспеченным слоям населения. Социальными субсидиями и льготами пользуются 23,2%, материальную помощь от детей получают 22,8%, дополнительный заработок к пенсии имеют 20,9% опрошенных. 39,4% респондентов считают, что они полностью ответственны за улучшение своего материального положения. Более ответственны люди старшего возраста, имеющие высшее образование (37,8%), женщины (41,6%) и проживающие одиноко (46,7%).

В своих интервью люди старшего возраста так комментируют своё материальное положение: «У меня всё есть, я не голодаю, одета, обута, что ещё надо?» (женщина, 82 года, неполное среднее образование, проживает с детьми); «Положительно. У меня всё есть: и покушать, и дрова купить,

и позволить себе маленькие радости» (женщина, 81 год, среднее образование, проживает с детьми); «Я финансово независима – не богатая и не бедная» (женщина, 67 лет, высшее образование, проживает с супругом). «Пенсия у меня небольшая. Но так как я продаю молоко, яйца, творог, сметану, мясо – хватает на всё. Покупаю дрова, сено, уголь и помогаю внукам и детям» (женщина, 72 года, неполное среднее образование, проживает с внуками); «Я не скажу, что плохо живу. У меня и на развлечения хватает, по сравнению с другими, и одета лучше. Питаюсь я правильно, что попало есть не буду» (женщина, 63 года, среднее профессиональное образование, проживает одна).

Приведённые результаты свидетельствуют, что материальное положение респондентов зависит от их субъективного восприятия, а не от реального размера доходов, т. е. удовлетворённость жизнью определяется «нематериальной» тканью социальных взаимодействий. Западные исследователи неоднократно фиксировали смещение ориентаций с материалистических ценностей (материальный достаток, физическая безопасность) к постматериалистическим индивидуалистическим ценностям (качество жизни, личная автономия), как только необходимый минимум благосостояния достигнут [Inglehart 1990]. Следовательно, уровень материального положения влияет на социальное самочувствие, но не является определяющим.

Важной составляющей социального самочувствия является идентификация личности в социальном пространстве. Актуальная идентификация означает самоопределение индивидом (общностью) своего реального социального статуса и роли. Мы попытались выяснить, с кем идентифицируют себя пожилые люди, на основе мнений представителей разных групп. Для старшего возраста первостепенной группой является семья (89,4%), на втором месте указываются друзья (65%), на третьем – ровесники (47,2%). Отметим, что существует ещё и идентификация с товарищами по работе (36,8%). По-прежнему семья выполняет защитную и компенсаторную функции, создавая более благоприятные условия для комфортного существования и проявления личностной активности людей.

Ответы респондентов подтверждают, что значимыми ценностями для пожилых людей выступают дом, семья (80,6%), здоровье (78,6%), материальная обеспеченность (45,4%), уверенность в будущем (17,4%), чувство безопасности (14,4%). Из интервью пожилых людей: «В настоящий момент ценю больше всего внучат и правнучку, ну и, конечно же, чтобы все были здоровы» (женщина, 63 года, среднее профессиональное образование, проживает одна); «У меня есть дети, внуки, которые меня любят и уважают, для меня это

Важной составляющей социального самочувствия является идентификация личности в социальном пространстве. Для старшего возраста первостепенной группой является семья (89,4%), на втором месте указываются друзья (65%), на третьем – ровесники (47,2%).

ценнее всего» (женщина, 75 лет, начальное образование, проживает с детьми); «Ценю только общение со своими друзьями и родственниками» (женщина, 64 года, среднее образование, проживает одна); «Ну, это сложный вопрос... Свободу ценю, поддержку семьи, детей. Общение с друзьями» (женщина, 68 лет, высшее профессиональное образование, проживает с супругом и детьми); «Бывают периоды, когда очень тяжело и одиноко, когда задумываешься о своих прожитых годах и хочется порой всё вернуть назад. Но проходит время, всё забывается, огромную поддержку оказывают близкие люди» (женщина, 61 год, среднее профессиональное образование, проживает одна); «В настоящий момент я ценю свою семью, хотелось бы чаще видеть всех детей, внуков и правнуков. Хотелось бы собраться всей большой семьёй за одним столом» (женщина, 80 лет, начальное образование, проживает с супругом и детьми); «Ценю больше всего драгоценное время, с годами начинаешь ценить время и воспоминания, их обратно не вернуть» (женщина, 60 лет, высшее образование, проживает с супругом).

Значимым показателем, влияющим на социальное самочувствие, является уверенность или неуверенность в будущем. Около половины всех респондентов (56%) уверены в своём будущем, из них пожилые люди, имеющие высшее образование (61,4%), проживающие с супругами и детьми (64,4%), мужчины (62,5%), возрастная группа 80–89 лет (63,7%). Не уверенных в своём будущем больше среди женщин (37%), одиноких людей (44,5%) и в возрастной группе 70–74 года (44,3%).

В интервью на вопрос «Скажите, как Вы сегодня видите своё будущее?» пожилые люди характеризуют его как период спокойствия, стабильности, без существенных изменений и в зависимости от состояния здоровья. «Своё будущее я вижу, только сообразуясь с состоянием своего здоровья: если будет здоровье нормальное, и будущее будет нормальное» (женщина, 64 года, среднее профессиональное образование, проживает одна); «Вижу его спокойным, умиротворяющим, без всяких колебаний (мужчина, 66 лет, высшее образование, проживает один); «Хм, ну как я вижу... главное, чтобы было всё стабильно, да и пенсии можно прибавить» (женщина, 62 года, неполное среднее образование, проживает с мужем); «Своё будущее я вижу очень даже оптимистично! В ожидании новых правнуков» (женщина, 63 года, среднее профессиональное образование, проживает одна); «Да я никак его не вижу. День прошёл, и слава Богу. Устала я, с детства работала, не покладая рук, и до сих пор стараюсь всё делать. Не могу по-другому, не могу сесть и сидеть» (женщина, 81 год, среднее образование, проживает с детьми); «Я думаю, всё к лучшему идёт. Всегда надеешься на хорошее. Президент молодец, конечно.

Около половины всех респондентов (56%) уверены в своём будущем, из них пожилые люди, имеющие высшее образование (61,4%), проживающие с супругами и детьми (64,4%), мужчины (62,5%), возрастная группа 80–89 лет (63,7%).

Надо быть уверенным, если опустишь руки, так и будет» (женщина, 65 лет, неполное среднее образование, проживает с супругом и детьми); «Мы сейчас в будущее не заглядываем, живём одним днём. Я живу одним днём, сейчас я делаю всё, что хочу, раньше я всё планировала. А сейчас зачем планировать. С возрастом видишь всё по-другому» (женщина, 63 года, среднее профессиональное образование, проживает одна); «Что я могу сказать про своё будущее... Живу сегодняшним днём, проживаю, как хочу, как здоровье позволяет» (женщина, 85 лет, неполное среднее образование, проживает с детьми).

Таким образом, социальное самочувствие людей старшего возраста проявляется как относительно сложное соотношение между индивидуальными и социальными ожиданиями и удовлетворённостью своей жизнью в целом. Социальное самочувствие выступает как эмоционально-ценностная форма сознания, формирующаяся в результате переживания людьми своего конкретного состояния и отношения к действительности через осмысление своего бытия в социуме. Возрастные группы людей старшего возраста неоднородны, и это наблюдается в их оценках удовлетворённости жизнью, ценностными установками, материальным положением, уверенностью в будущем. Половина людей старшего возраста удовлетворены своим социальным самочувствием. К ним относятся люди старшего возраста, проживающие с семьёй (с супругом и/или с детьми), имеющие более высокий уровень образования, а также возрастная группа 75–79 лет, которая адаптировалась к пенсионному возрасту. Значимыми ценностями для пожилых людей выступают (в порядке убывания): дом, семья, здоровье, материальная обеспеченность, уверенность в будущем и чувство безопасности. Эти составляющие влияют на уровень и степень включённости представителей старшего поколения в институциональные отношения и напрямую связаны с социальным самочувствием.

Библиографический список

Беляева Л. А. 2009. Уровень и качество жизни. Проблемы измерения и интерпретации // Социологические исследования. № 1. С. 33–42.

Возьмитель А. А. 2012. Образ жизни: тенденции и характер изменений в пореформенной России. М.: Институт социологии РАН. 230 с.

Головаха Е. И., Панина Н. В., Горбачик А. П. 1998. Измерение социального самочувствия: тест ИИСС // Социология: 4М. № 10. С. 45–71.

Горшков М. К. 2016. Российское общество как оно есть: (опыт социологической диагностики) в 2-х томах. Т. 1. Изд. 2-е, перераб. и доп. М.: Новый хронограф. 416 с.

Григорьева И. А. 2006. Социальная политика и пожилое население в современной России: вызовы и возможности // Мир России. Т. 15. № 1. С. 29–49.

Евразийский монитор. Исследование в странах СНГ. 2015 // Официальный сайт «Исследовательская группа ЦИРКОН» URL: <http://www.zircon.ru/publications/evraziyskiy-monitor-issledovaniya-v-stranakh-sng/> [Дата посещения: 10.04.16].

Елютина М. Э. 1999. Геронтологическое направление в структуре человеческого бытия. Саратов: СГТУ. 141 с.

Индексы социального самочувствия. 2015 // Официальный сайт Всероссийского центра изучения общественного мнения (ВЦИОМ) URL: wciom.ru/index.php?id=236&uid=115390 [Дата посещения: 10.04.16].

Ковалёва Н. Г. 2001. Пожилые люди: социальное самочувствие // Социологические исследования. № 7. С. 73–79.

Козырева П. М. 2011. Социальная адаптация населения России в постсоветский период // Социологические исследования. № 6. С. 24–36.

Краснова О. В., Козлова Т. З. 2007. Старшее поколение: гендерный аспект. М.: ИС РАН. 220 с.

Крупец Я. Н. 2003. Социальное самочувствие как интегральный показатель адаптированности // Социологические исследования. № 4. С. 143–144.

Левинсон А. Г. 2011. Институциональные рамки старости: старость как гендер // Вестник общественного мнения. № 3(109). С. 52–81.

Максимова С. Г. 2006. Особенности функционирования и развития системы социального обслуживания лиц пожилого и старческого возраста в современном российском регионе на рубеже XX–XXI вв. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та. 360 с.

Михайлова Л. И. 2010. Социальное самочувствие и восприятие будущего россиянами // Социологические исследования. № 3. С. 45–50.

Модернизация социальной структуры современного российского общества / Отв. ред. З. Т. Голенкова. М.: ИС РАН, 2008. 287 с.

Население. 2015. // Бурятстат. Федеральная служба государственной статистики URL: http://burstat.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_ts/burstat/ru/statistics/population/ [Дата посещения: 10.04.16].

Осинский И. И., Бутуева З. А. 2015. Социальное самочувствие: понятие, факторы формирования и показатели измерения // Вестник Бурятского государственного университета. Вып. 14. Философия, социология, политология, культурология. С. 38–45.

Панина Н. В. 1993. Индекс жизненной удовлетворённости // LIFeLINE и другие новые методы психологии жизненного пути. М.: Прогресс. С. 107–114.

Петрова Л. Е. 2000. Социальное самочувствие молодёжи // Социологические исследования. № 12. С. 50–55.

Рейтинг регионов РФ по качеству жизни. 2014 // Официальный сайт «РИА Рейтинг». URL: http://vid1.rian.ru/ig/ratings/life_2014.pdf [Дата посещения: 10.04.16].

Рогозин Д. М. 2007. Тестирование вопросов о социальном самочувствии // Социальная реальность. № 2. С. 97–113.

Рогозин Д. М. 2013. Трудные жизненные ситуации в представлениях старшего поколения россиян // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. № 5(117). С. 32–51.

Смолькин А. А. 2008. Парадоксы отношения к пожилым людям в современной России // Социологический журнал. № 3. С. 106–121.

Тихонова Н. Е. 2014. Социальная структура России: теории и реальность. М.: Новый хронограф, ИС РАН. 408 с.

Тощенко Ж. Т., Харченко С. В. 1996. Социальное настроение. М.: Academia. 196 с.

Чеканова Э. Е. 2004. Социальные процессы старения: структуралистско-конструктивистский анализ. Саратов: Научная книга. 312 с.

Inglehart R. 1990. Culture Shift in Advanced Industrial Society. Princeton: Princeton University Press. 504 p.

DOI: 10.19181/vis.2016.19.4.435

Social Well-Being of Elderly People in the Republic of Buriatiya: Regional Aspect

Butueva Zinaida Arsent`evna

Candidate of philosophical sciences, associate professor, Buryatsk State University, Ulan-Ude, Russia. E-mail: butueva_z@mail.ru

Abstract. This article examines the main approaches and factors of the social health of elderly people within the regional aspect. The following conclusion is made: social health as a form of emotional-value consciousness emerges as the result of people subjectively experiencing their specific condition, and it changes under the influence of a person's internal structure and the surrounding social environment. Analyzed is the structure of those factors which affect social health, with the former including subjective and objective components. The subjective characteristics of elderly people's social health include the following: personal features, values, emotional state in general, confidence in their future. Objective characteristics focus on such components as: age, education, health, material and marital status. Changes in social health are affected by the current socio-economic and ethno-political situation in the country and on its outskirts. That's why it is essential to examine the social health of elderly people within a regional aspect. The Republic of Buriatiya, being a multi-ethnic region, is characterized by multiple religions, a heterogenic socio-economic environment, being situated on the border, and some peculiar cultural traditions. A harsh climate, low population density and a large distance from Russia's political and cultural centers define the republic as a region which is isolated from the country's mainstream socio-cultural environment. These peculiarities form a unique environment, which impacts the population's social health. Based on the research conducted, a conclusion is drawn that the age groups of elderly people are dissimilar, which is demonstrated by the way they evaluate their life satisfaction, material status, values, and confidence in the future. The following factors seriously impact social health: age, education, marital

status. The following values are considered to be important among elderly people (in descending order): home, family, health, material well-being, confidence in the future, feeling of security. These components influence the level and degree of elderly people's involvement in institutional relations, and they are directly connected to social health.

Keywords: aging of the population, older people, social well-being factors, methods of measurement, subjective life satisfaction, the region, the Republic of Buriatiya.

References

Beliaeva L. A. Uroven' i kachestvo zhizni. Problemy izmerenija i interpretacii [The Level and Quality of Life. Challenges in Measuring and Interpreting]. *Sociologicheskie issledovaniya*, 2009, no 1, pp. 33–42.

Chekanova E. E. Social'nye processy starenija: strukturalistsko-konstruktivistsky analiz [Social Aging Processes: Structuralist and Constructivist Analysis]. Saratov, Nauchnaja Kniga, 2004. 312 p.

Eliutina M. E. Gerontologicheskoe napravlenie v strukture chelovecheskogo bytija [Gerontological Direction in the Structure of Human Existence]. Saratov, SSU publ., 1999. 141 p.

Evrazijsky monitor. Issledovanie v stranah SNG [Eurasian Monitor. CIS Countries Survey]. 2015. «CIRKON» Research Group Official website. URL: <http://www.zircon.ru/publications/evraziyskiy-monitor-issledovaniya-v-stranakh-sng/> [date of visit: 10.04.16].

Golovaha E. I., Panina N. V., Gorbachik A. P. Izmerenie social'nogo samochuvstvija: test IISS [The Measurement of Social Wellbeing: IISS Test]. *Sociologija*: 4M, 1998, no 10, pp. 45–71.

Gorshkov M. K. Rossiyskoe obschestvo kak ono est': (opyt sociologicheskoy diagnostiki) [Russian Society as it is: (Experience of Sociological Diagnosis)]. Second ed. Moscow, Novy Khronograf, 2016. 416 p.

Grigor'eva I. A. Social'naja politika i pozhiloe naselenie v sovremennoy Rossii: vyzovy i vozmozhnosti [Social Policy and Older Population in Modern Russia: Challenges and Opportunities]. *Mir Rossii*, 2006, Vol. 15, no 1, pp. 29–49.

Indeksy social'nogo samochuvstvija [The Indices of Social Well-being]. 2015. VCIOM Official website. URL: <http://wciom.ru/index.php?id=236&uid=115390> [date of visit: 10.04.16].

Inglehart R. Culture Shift in Advanced Industrial Society. Princeton, Princeton University Press, 1990. 504 p.

Kovaliova N. G. Pozhilye liudi: social'noe samochuvstvie [Elderly: Social Well-being]. *Sociologicheskie issledovaniya*, 2001, no 7, pp. 73–79.

Kozyreva P. M. Social'naja adaptacija naselenija Rossii v postsovetsky period [Social Adaptation of the Population of Russia in the Post-Soviet Period]. *Sociologicheskie issledovaniya*, 2011, no 6, pp. 24–36.

Krasnova O. V., Kozlova T. Z. Starshee pokolenie: genderny aspekt [The Older Generation: the Gender Dimension]. Moscow, IS RAS, 2007. 220 p.

Krupec Y. N. Social'noe samochuvstvie kak integral'ny pokazatel' adaptirovannosti [Social Well-being as an Integral Component of Adaptation]. *Sociologicheskie issledovaniya*, 2003, no 4, pp. 143–144.

Levinson A. G. Institucionalnye ramki starosti: starost' kak gender [Institutional Framework of Old Age: Old Age as Gender]. *Vestnik obschestvennogo mnenija*, 2011, no 3 (109), pp. 52–81.

Maximova S. G. Osobennosti funkcionirovaniya i razvitiya sistemy social'nogo obsluzhivaniya lic pozhilogo i starcheskogo vozrasta v sovremennom rossiyskom regione na rubezhe XX–XXI vv. [Features of Functioning and Development of the System of Social Care of Elderly and Senile Age in Modern Russian Region at the turn of XX–XXI Centuries]. Barnaul, ASU publ., 2006. 360 p.

Mihaylova L. I. Social'noe samochuvstvie i vosprijatie budushego rossiyanami [Social Well-being and Future Perception of Russians]. *Sociologicheskie issledovaniya*, 2010, no 3, pp. 45–50.

Modernizacija social'noy struktury sovremennogo rossiyskogo obschestva [Modernisation of the Social Structure of Modern Russian Society]. Ed. by Z. T. Golenkova. Moscow, IS RAS, 2008. 287 p.

Naselenie – 2015 [Population – 2015]. Buriatstat (Buriatia`s Branch of the FSSS of Russian Federation) Official website. URL: http://burstat.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_ts/burstat/ru/statistics/population/ [date of visit: 10.04.16].

Osinsky I. I., Butueva Z. A. Social'noe samochuvstvie: poniatie, faktory formirovaniya i pokazateli izmerenija [Social Well-being: Concept, Factors of Formation and Measurement Indicators]. Vestnik Buriatskogo gosudarstvennogo universiteta, 2015, Vol. 14 «Filosofija, sociologija, politologija, kul'turologija», pp. 38–45.

Panina N. V. Index zhiznennoy udovletvorionnosti [Index of Well-being]. LIFeLINE i drugie novye metody psihologii zhiznennogo puti. Moscow, Progress, 1993, pp. 107–114.

Petrova L. E. Social'noe samochuvstvie molodiozhi [Social Well-being of the Youth]. Sociologicheskie issledovaniya, 2000, no 12, pp. 50–55.

Reyting regionov RF po kachestvu zhizni –2014 [Rating of Russian Regions on Life Quality]. «RIA Rating» Official website. URL: http://vid1.rian.ru/ig/ratings/life_2014.pdf [date of visit: 10.04.16].

Rogozin D. M. Testirovanie voprosov o social'nom samochuvstvii [Test Questions about Social Well-being]. Social'naja real'nost', 2007, no 2, pp. 97–113.

Rogozin D. M. Trudnye zhiznennye situacii v predstavlenijah starshego pokolenija rossijan [Difficult Life Situations in the Views of the Older Generation of Russians]. Monitoring obschestvennogo mnenija: ekonomicheskie i social'nye peremeny, 2013, no 5 (117), pp. 32–51.

Smol'kin A. A. Paradoxy otnoshenija k pozhilym liudiam v sovremennoj Rossii [Paradoxes of the Attitudes towards Older People in Modern Russia]. Sociologicheskij zhurnal, 2008, no 3, pp. 106–121.

Tikhonova N. E. Social'naja struktura Rossii: teorii i real'nost' [The Social Structure of Russia: Theory and Reality]. Moscow, Novy khronograf, IS RAS, 2014. 408 p.

Toschenko J. T., Harchenko S. V. Social'noe nastroyenie [Social Mood]. Moscow, Academia, 1996. 196 p.

Voz'mitel' A. A. Obraz zhizni: tendencii i karakter izmeneniy v poreformennoj Rossii [Lifestyle: Trends and in Character of Changes of Post-reform Russia]. Moscow, IS RAS, 2012. 230 p.